

1930 год

25 апреля. Текущая Пасха ознаменовалась единственным в своем роде случаем: некая Екатерина Хадлей убила своего гражданского мужа, всадив ему в бок кухонный нож. Оба они — русские. Он — продавец газет, известный почти всему русскому Тяньцзиню; на всех центральных улицах можно было встретить его высокую тощую фигуру, с пачками газет в руках. Она служила раньше партнершей для танцев в одном из тяньцзинских баров, откуда взял ее богатый англичанин Хадлей, женился на ней и через некоторое время, разорившись, покончил с собой. Потом она служила бонной в английской семье и оттуда, как раз перед Пасхой, была уволена. Причиной убийства, как говорят, была ссора из-за требования Хадлей, чтобы ее гражданский муж повенчался с ней, в чем тот отказал, ссылаясь на недостаточный свой заработок.

Вся эта история производит довольно дикое впечатление. Женщина, бывшая несколько лет женой иностранца, потом служившая в иностранной семье, должна бы, кажется, приобрести культурные навыки, интеллигентность — и так не вяжется с этим самым способом убийства, нож в бок, который был бы под стать самой последней пьяной бабе с харбинского Зеленого базара, но не женщине интеллигентной. Диким кажется и мотив ссоры. Покойный газетчик — его фамилия Прокопчик — был уже не молод, собой не хорош, и что так пленяло в нем его возлюбленную, видевшую и лучшие дни, и лучших людей — неизвестно. В газетах упоминалось, что она страдала запоем после смерти Хадлея, и что вся ссора произошла в то время, когда и она, и Прокопчик были совершенно пьяны.

Как бы то ни было, это убийство — первое среди русских за все годы нашего проживания в Тяньцзине. Вчера по городу упорно ходили слухи, что убийца будет предана китайцами смертной казни, но сегодняшние газеты сообщили, что она как английская подданная передана в распоряжение английских властей.

Если не считать этого случая, всколыхнувшего на два дня русский Тяньцзинь, Пасха прошла очень тихо, даже скучно. Все время стояла, особенно вечерами, холодная погода, не располагающая к хорошему настроению. Везде, где мне пришлось побывать, тоже показалось нынче как-то невесело. Может быть, виной этому мое собственное настроение, которое у меня сильно понизилось с некоторых пор.

Заканчиваю читать книгу Бунина «Жизнь Арсеньева». Кажется, ни одна книга за все последние годы не доставила мне такого наслаждения, как эта. Очарованием и благоуханием истинной поэзии веет с ее страниц, красотой русской природы, всей минувшей жизни старой России. Уменье Бунина передать в красочных и прекрасных словах малейшее его ощущение, тончайшее чувство — воистину поразительно; в этом умении нет ему соперников во всей русской литературе.

И в то же время Бунин — один из малочитаемых авторов и здесь, и в прежней России. Почему?

29 апреля. Еще «событие» за эти дни: чествовали Н.А.Жебрака* за его 25-летнюю службу в Тяньцзине¹. Раздуто было это чествование невероятно. Юбилею приписали тьму заслуг, возвели его в ранг благодетеля и друга русской эмиграции, благодарили, проливали слезы умиления, поднесли кучу подарков с трогательными надписями. Почему-то вся эта церемония происходила в церкви, в середине богослужения, что производило несколько странное впечатление. Правда, юбилей Жебрака совпал с 10-летием деятельности Православного Братства здесь, но все-таки речи и подношения во время церковной службы — мне никогда не приходилось видеть и слышать что-либо подобное раньше.

Была вчера в «Эмпайре» на прелестной картине «Наши танцующие дочери». Картина эта вполне в моем вкусе: красивые женщины, изящные молодые люди, великолепные туалеты, богатая обстановка, прекрасная природа, умело показанная — все радовало глаз, все давало как раз те впечатления, которых нам сейчас недостает в нашей будничной, серой жизни. И сюжет картины хорош. Она будит воспоминания о самом прекрасном, что есть в жизни человека: о лучезарной молодости, о свежей, юной любви, светлых мечтах, беззаботном веселье — и порою о тяжелых жизненных бурях и грозах, которые пролетают над юными сердцами.

[За полгода записей нет.]

13 ноября. За эту неделю три происшествия: в Пекине убит миссийский священник о[тец] Мелестин, живший в скиту, в Западных горах, и ограблена там православная часовня. Убит он зверски, размозжена голова, перед убийством над ним надругались — сразу явилось предположение, что убили его хунхузы. Потом стали подозревать, что убийцы были русские, сомнительные собутыльники о[тца] Мелестина, который, как говорят, вел далеко не священнический образ жизни: пьянствовал, держал у себя китайок и т.п. Как бы то ни было, ничто не может оправдать это жестокое, страшное преступление.

Второе происшествие: умер тяжело раненный неизвестными китайцами Ленокс-Симпсон, комиссар таможни, крупный журналист, первоклассный знаток Китая, автор многих печатных трудов об этой стране (его литературный псевдоним — Путнам Уил*) и владелец богатых коллекций. Погиб он жертвой собственного политического честолюбия, впутавшись в китайскую неразбериху.

Третье происшествие: тяжело ушиблен в драке со школьным товарищем и находится на пороге смерти ученик моего мужа Евгений Вейнгард. Неизвестно точно, что послужило причиной ссоры; установлено только, что Вейнгард и его противник, англичанин Холден, сошлись в английских казармах и там, в присутствии солдат и даже офицера, учинили взаимный нешуточный бокс. В результате

---

¹ См. об этом: Чествование Н.А.Жебрака: 25-летие общественной деятельности в Тяньцзине // Наша заря. 1930. 29 апр. Гун-бао. 1930. 2 мая.

Вейнгард, менее опытный в боксе, получил сильный удар в голову, был в бессознательном состоянии десять часов и, привезенный домой, борется уже третий день со смертью. Если он умрет – какой же это будет нелепый и страшный конец.